

И. Е. Рудковская

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье анализируется вариативность обращения к персонифицированному времени в историографической традиции позднего Просвещения. Автор исходит из необходимости компаративного анализа макросторий, созданных в рамках англо-шотландской и российской историографических традиций для выявления специфики «овременивания» в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: *персонифицированное время, историографическая компаративистика, позднее Просвещение.*

Проблемы исторического времени, темпоральной структуры человеческого опыта вообще и специфики темпорального опыта историка, темпоральности нарратива сегодня играют важную роль в дискуссионном поле истории, философии, антропологии¹. З.А. Чеканцева констатирует формирование новой трансдисциплинарной области исследований, назвав ее «антропологической историей времени или исторической антропологией времени»². Вопреки отчетливым стремлениям освободить категорию «время» от багажа ценностей, его редукции к хронологии в исторической науке XX в., ряд новаторских работ периода расцвета структурализма и семиотики, разграничивавших историческое и календарное время, подготовил важные изменения, позволившие на рубеже XX–XXI вв. проблематизировать идею всемирной истории, которая начала утверждаться в эпоху Просвещения³. Это актуализирует исследование тех практик «овременивания», которые в макроисториях позднего Просвещения подводили своеобразный итог историописанию эпохи.

Автор статьи, обращаясь к историографической компаративистике, предполагающей систематическое, проводимое по ряду значимых параметров сравнительное исследование итоговых текстов, представленных историками читателям, анализирует роль персонифицированного времени в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и в трудах его непосредственных предшественников, британских историков Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона и отечественного историографа М.М. Щербатова.

¹ Сыров. С. 36-51. Чеканцева. 2010. С. 66-78.

² Чеканцева. 2010. С. 69.

³ Там же. С. 69-76. Чеканцева. 2011. С. 55-56.

Под персонифицированным временем автор предлагает понимать «именное» время, т.е. выделявшиеся историками временные отрезки, соответствовавшие периоду максимального индивидуального влияния на развитие социума наиболее значимых лиц в истории. Без сомнения, на первый взгляд такой вариант «овременивания» представляется прямым следствием периодизации исторического процесса по граням и не вызывает особых вопросов, однако при компаративном анализе текстов, бросаются в глаза различия, которые напрямую не вытекают из тех установок, на которые, как на значимые образцы, ориентировались историки второй половины XVIII – начала XIX века. Автор полагает, что труды по истории, вышедшие в период позднего Просвещения, т.е. после публикации Энциклопедии, подводившей определенный итог историко-философским размышлениям целой эпохи, в режиме большого времени могут рассматриваться как одновременные. Представляется, что вариативность градации времени в пределах двух – максимум трех поколений историков, создававших свои труды в ситуации относительной малочисленности исторического сообщества и, в целом, низкой интенсивности научных дискуссий требует осмысления.

Уже Вольтер в «Истории Карла XII» упоминал «времена Гераклов и Тезеев»⁴, однако мифологичность персонажей не позволяет увидеть здесь реальные хронологические координаты. Его позиция в отношении персонифицируемого времени объемнее высвечивается в утверждении, что из «множества императоров римских, германских, московских, султанов, халифов, пап, королей, сколько таких, чьи имена достойны только украшать хронологические таблицы, где они указывают эпоху»⁵. Скептицизм Вольтера в отношении абсолютного большинства монархов обусловил, вероятно, и несколько ироничное отношение к персонифицированному времени, что, возможно, оказало больше влияния на старших представителей «Исторического триумvirата Британии» – Д. Юма и В. Робертсона, и российского историка М.М. Щербатова.

Д. Юм (1711–1776), стремясь дать не летопись, а аналитическую историю, выявляющую не только сиюминутные события, но и долговременные процессы, использовал в «Истории Англии» различные вариации фиксации времени, позволявшие ему отвлечься от конкретных дат и выйти на значимые обобщения. Он подчеркивал: «Но мы не будем пытаться охватить каждое переданное нам дело; и до конца царствования, когда события становились более памятными, мы не будем всегда соблюдать

⁴ Вольтер, б/г. С. 45.

⁵ Там же. С. 3-4.

строгий хронологический порядок в нашем нарративе»⁶. Здесь очевидно как сохранение периодизации по граням, так и стремление дать историю, а не хронику. Время в макроистории Юма неоднократно определялось в соответствии с правящей династией: «в течение саксонских времен», «в течение Англо-Саксонского периода», «в Саксонские времена»⁷. Точкой отсчета могли служить и рубежные события, формально не привязанные к тому или иному имени: «в период, предшествовавший Норманнскому завоеванию», «в период, непосредственно предшествовавший Завоеванию», «даже до периода Завоевания», «в течение нескольких столетий после Завоевания»⁸. Очевидно, что такая периодизация определялась событиями при Вильгельме Завоевателе, однако историк не считал возможным свести эпохальные изменения к действиям олицетворявшего эпоху героя. Он очень осторожно прибегал к персонафикации времени, быть может, учитывая ироническую позицию Вольтера и тщательно отбирая достойных героев: век Цезаря, Эдуарда Исповедника, Елизаветы⁹. Неоднократно, кроме того, им использовалось выражение «в его время», «его времени» применительно ко времени разных героев его «Истории»: Альберта, Канута, Генриха II, Генриха VIII, Франциска I¹⁰. Хотя персонафицированное время не играло в его «Истории Англии» заметной роли, вполне вероятно, что на формирование традиции, проявившейся в макроисториях представителей следующих поколений историков позднего Просвещения, оказал факт введения (причем подряд) времени королей Этельреда и Этельстана («in King Ethelred's time», «in Athelstan's time») в столь неординарный, привлекавший особенное внимание читателей элемент итогового текста, как «Аппендикс I», рассматривавший специфику развития общества при саксонской династии¹¹.

Относительно редко персонафицируемое время использовалось и в работах В. Робертсона (1721–1793). В «Истории Шотландии» историк выделил период, начавшийся «со времен Вильяма Норманнского», в течение которого правильное престолонаследие редко обеспечивалось на протяжении трех следовавших друг за другом правлений¹². Этот вариант персонафикации времени нес в себе, очевидно, важную коммуникатив-

⁶ *Hume*. Vol. I. P. 526.

⁷ *Ibid*. P. 174, 186, 196, 297, 507, 522.

⁸ *Ibid*. P. 175, 184, 193, 218, 570.

⁹ *Ibid*. P. 3, 270. Vol. IV. P. 191. Следует отметить и выделение времени автора Глоссария, Г. Спелмана. – *Ibid*. Vol. I. P. 138.

¹⁰ *Ibid*. P. 131, 236, 397. Vol. III. P. 21.

¹¹ *Ibid*. Vol. I. P. 194-195.

¹² *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 50.

ную функцию, позволив историку донести до каждого читателя представление о глубоких корнях анализируемой им проблемы. Но персонафикация времени для «Истории Шотландии» не характерна. Уделив особое внимание периодам малолетства королей (*minority*) и регенства (*regency*), которые, по Робертсону, сыграли чрезвычайно негативную роль в истории Шотландии, он, по сути, ввел дихотомию малолетств (регенств)¹³ и периодов правления королей¹⁴. «Именное» время, видимо, не вписывалось в эту конструкцию «овременивания». Поскольку основные события в «Истории Шотландии» разворачивались в период противостояния Елизаветы I и Марии Стюарт, сопровождавшего малолетство Якова VI, общее для главных героев его книги время, вероятно, не оставляло оснований для персонафикации.

В наиболее известном труде Робертсона, «Истории государства императора Карла V», реестр персонафицированного времени несколько расширился: «во времена Карла Великаго», «со времен Карла VIII», «век Карла V», «во времена Карла V»¹⁵. Однако в этом труде в центре внимания историка, протестантского священника, находилось время Реформации, неслучайно среди «королевских» вариантов встречается время, названное по имени ее лидера: «со времен Лютера»¹⁶. Значимостью религиозных процессов было предопределено и выделение периода, начинающегося от «времен Апостольских»¹⁷, хотя в данном случае его название определялось деятельностью групповой, а не индивидуальной.

В «Истории Америки», последней макроистории Робертсона, персонафицированное время использовалось еще реже, вероятно, потому, что воссоздаваемая здесь эпоха, отчасти совпадавшая с периодами, исследованными в более ранних работах, характеризовалась им как век открытий («*age of discovery*»), начавшийся «со времен Колумба»¹⁸. Рассматривая предысторию великих открытий, историк выделил время Птолемея, после которого, по его мнению, ничего достойного не было сделано в плане развития географических знаний¹⁹. Анализируя успехи мореплавания, он обозначил в качестве отправной точки время Птолемея в Египте, однако в данном случае династический принцип вытеснил персональный²⁰.

¹³ Ibid. Vol. I. P. 33-38, 98. Vol. II. P. 238, 353, 376, 387, 409, 419. Vol. III. P. 106.

¹⁴ Ibid. Vol. I. P. 141. Vol. II. P. 19. Vol. III. P. 192.

¹⁵ Робертсон. Т. I. С. X, 297. Т. IV: 223, 240, 249, 257.

¹⁶ Там же. Т. IV. С. 249.

¹⁷ Там же. Т. I. С. 22.

¹⁸ Robertson. The history of America. Vol. I (VIII). P. 269; Vol. II. (IX). P. 345.

¹⁹ Ibid. Vol. I (VIII). P. 34.

²⁰ Ibid. Vol. I (VIII). P. 21.

Ключевые фигуры, определившие своей деятельностью целые эпохи и давшие времени свои имена, отбирались Робертсоном не только среди королевских фамилий, что вполне соответствовало вольтеровскому представлению о современных задачах истории, неслучайно Робертсон подчеркивал, что Вольтер часто светил ему в его розысканиях²¹.

В британской традиции позднего Просвещения максимум использования персонифицированного времени был достигнут в труде младшего представителя «Исторического Триумvirата Британии» Э. Гиббона (1737-1794) «История упадка и разрушения Римской империи». «Именное» время неоднократно выходило на уровень макроструктуры текста, т. е. вводилось в названия глав: «...во времена императора Деция», «...со времен Гераклия»²². Имена наиболее значимых правителей выстраиваются в целые временные ряды. Время Октавиана Августа, например, представлено в следующих вариациях: «со времен Нумы и до времен Августа», «во времена Августа», «со времен Августа», «От времен Августа до времен Александра Севера», «Со времен Августа до времен Диоклетиана», «во времена Августа и даже во времена Константина» и др.²³ Вариативно и время императора Константина: «во времена Константина», «времен Константина Великого», «в веке Константина», «Век великого Константина и его сыновей» и др.²⁴ Разнообразны варианты моделирования времени Цезаря и Адриана²⁵. Дали времени свое имя на страницах «Истории» Гиббона и другие правители Рима: Ромул, Сулла, Нерон, Домициан, Элиогабал, Траян, Александр Север, Деций, Клавдий, Юлиан, Марк Антонин²⁶. Античность представлена не только римскими правителями. Встречается время Перикла и Александра²⁷. Пополнили реестр персонифицированного времени византийские императоры, правители Востока: «Во времена Феодосия», «Со времен Осроя», «до времен Тамерлана» и др.²⁸ Касаясь средневековой истории, Гиббон выделял времена Карла Великого, Гуго Капета, Эдуарда III²⁹.

²¹ Робертсон. Т. I. С. 345-346.

²² Гиббон. Ч. I. Гл. I-III, IX. Ч. V. Гл. XLVIII. Ч. VI. Гл. LXVI.

²³ См. также: «времен Августа», «от времен Августа» и др. Там же. Ч. I. С. 68, 72, 79, 145, 224, 292, 335, 373. Ч. II. 182, 200, 250. Ч. VI. С. 39.

²⁴ Там же. Ч. I. С. 304, 400. Ч. II. С. 122, 123, 148, 165, 209, 218, 250, 257, 267. Ч. III. С. 55. Ч. VI. С. 39.

²⁵ Там же. Ч. I. С. 60, 243, 249, 259; Ч. I. С. 115. Ч. II. С. 77-78. Ч. IV. С. 115.

²⁶ Там же. Ч. I. С. 89, 94, 111, 145-146, 196, 219, 221, 274, 285. Ч. II. С. 45, 65, 77, 98, 347, 350. Ч. III. С. 23, 94.

²⁷ Там же. Ч. I. С. 233. Ч. II: 130.

²⁸ Там же. Ч. I: 97, 236. Ч. II: 219. 2004. Ч. VI: 28.

²⁹ Там же. Ч. I. С. 249. Ч. IV. С. 27. Ч. VII. С. 29, 32, 35.

Как и у его британских предшественников, в труде Гиббона использовался династический принцип периодизации: «не позднее века Антонинов», «от эпохи Антонинов до эпохи Феодосия» и т.д.³⁰

Гиббоном выделял и время представителей христианской церкви, чьи имена не всегда назывались: «во времена апостолов и первых их учеников», «во времена Христа, его апостолов и первых апостольских учеников» и др.³¹

Как и у Робертсона, у Гиббона фигурировало время Лютера³². Переоценка ценностей в эпоху Просвещения обусловила появление в его нарративе времен тех авторов, которые оставили свидетельства о минувшем в поэтических и исторических произведениях: время Гомера, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Аппиана и др.³³

М.М. Щербатов (1733–1790), практически параллельно с Гиббоном создававший свою «Историю Российскую от древнейших времен», крайне редко прибегал к персонификации времени, подобно Юму и Робертсону. Им были выделены периоды, начинавшиеся «от времен Рюрика» и «со времен Витольда великаго князя Литовскаго»³⁴, он отметил происходившее «во время Царя *Феодора Иоанновича*» и «во время Царя Алексея Михайловича»³⁵. Кроме того, историк указал на время Дмитрия Донского и Ивана III в безымянных формулировках: «Во время сего Великаго Князя», «времен сего Князя», «времен сего Государя»³⁶. Трижды историк определял время в соответствии с прозвищем Лжедмитрия I: «до времени Разстриги», «во время Разстриги»³⁷.

Максимум использования «именного» времени в отечественной историографической традиции был достигнут в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). В персонификации исторического времени образцом для российского историка, без сомнения, стала макроистория Гиббона, а не труд его отечественного предшественника М.М. Щербатова. Время в «Истории» Карамзина маркировалось как российскими, так и зарубежными именами. Историк выделил времена Авраамовы, время персидского царя Кира, понтийского царя Митридата Евпа-

³⁰ См. так же: «в век Антонинов», «со времен Антонинов». *Там же*. Ч. I. С. 47, 77, 81, 91, 94, 98, 163, 187, 208, 266-267, 271. Ч. III. С. 80. Ч. VI. С. 45.

³¹ Там же. Ч. II. С. 29, 61, 122. Ч. III. С. 67.

³² Там же. Ч. I. С. 354.

³³ Там же. Ч. I. С. 60, 97, 192. Ч. IV. С. 35. Ч. VI. С. 19.

³⁴ *Щербатов*. Т. VI. Ч. I. С. 190. Т. V. Ч. III. С. 59.

³⁵ Там же. Т. VII. Ч. I. С. 94, 134.

³⁶ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 236. Т. IV. Ч. II. С. 363, 365.

³⁷ либо «Розстриги». *Там же*. Т. VII. Ч. I. С. 16. Т. VII. Ч. II. С. 25, 107.

тора³⁸; рубежными становились события, происходившие «до времен Митридатовых» либо «за 100 лет до времен Кировых»³⁹.

Античное время было обозначено именами правителей Филиппа Македонского, римских императоров Августа, Нерона, Траяна, Адриана, Диоклетиана, Константина Великого, Феодосия Великого⁴⁰. Имена некоторых из них, как и у Гиббона, в «Истории» Карамзина создавали некую временную цепочку, идущую из отдаленного прошлого: «до времен Траяна», «век Траянов», «Траянова времени», «со времен Траяновых», «От времен Траяна до Всеслава» и др.⁴¹; «еще прежде времен Константина Великого», «от времен Константина Великого», «после времен Константина Великого» и др.⁴² Персонафикация времени затронула вождей гетов, готов, гуннов: «во время Царя своего, Беребиста Храбраго», «Со времен славнаго Германариха»; «во время Атиллы»⁴³. Отмечен и Карл Великий: «за долго до времен Карла Великого», «о временах Карла Великого», «со времен Карла Великого»⁴⁴. Византийские императоры также не остались без персонального времени: «со времен Юстиниановых», «гораздо ранее времен Ираклиевых», «в Ираклиево время», «со времен Императора Михаила», «Во время Императора Льва Македонского»⁴⁵; неоднократно упоминалось время Константина Багрянородного: «в Константиново время», «от времен Константиновых»; «от времен Константина VIII»⁴⁶.

Отмечено было и время английского короля Альфреда Великого, литовских правителей Гедимина и Витовта, молдавского господаря Стефана V, турецкого султана Баязета II, польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III, французского короля Людовика XIV⁴⁷.

³⁸ Карамзин Т. И. С. Т. I. С. 3. Прим. к Т. I. С. 6.

³⁹ Там же. Кн. I. Т. I. С. 3.

⁴⁰ «со времен Филиппа Македонского»; «во время или Августа Кесаря, или Нерона или Атиллы», «времен Адриановых», «во время Диоклетианово», «от времен Феодосия Великого до седьмого века» и др. Там же. Кн. I. Т. I. С. 2, 6, 8, 18, 64. Прим. к Т. I. С. 5, 7-8, 11, 23, 43, 57, 76, 108. Прим. к Т. II. С. 17. Т. IV. С. 12. Кн. II. Т. VI. С. 143.

⁴¹ См. также: «во время Траяново». Там же. Кн. I. Т. I. С. 2, 8, 18, 64. Прим. к Т. I. С. 5, 7-8, 23.

⁴² См. также: «со времен Константина Великого». Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 11, 43, 76. Кн. II. Т. VI. С. 143.

⁴³ Там же. Кн. I. Т. I. С. 6, 10. Прим. к Т. III. С. 105.

⁴⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 40, 142. Прим. к Т. I. С. 61.

⁴⁵ См. также: «гораздо ранее времен Ираклиевых». Там же. Кн. I. Т. I. С. 11, 31. Прим. к Т. I. С. 20, 32 (2). 76, 81.

⁴⁶ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 85, 109 (2).

⁴⁷ «во время Английского короля Альфреда», «со времен Гедиминовых», «Со времен Витовта», «до времен Государя Молдавского, Стефана V», «от времен Баязета», «в Стефаново время», «в Сигизмундово время», «со времен Людовика XIV».

Персонификация не могла не коснуться и времени монгольских правителей – Чингисхана, Батыя, Берке, Джанибека, Мамай, Тохтамыш, Едигея⁴⁸. Чаше других Карамзиным упоминалось время Чингисхана и Батыя: «гораздо древнее времен Чингисхановых», «за несколько веков до времен Чингисхана», «времен Чингисовых» и др.⁴⁹; «время Батыево», «в злосчастныя времена Батыевы», «временам Батыевым»⁵⁰.

Персонификация времени в пределах российской государственности проведена более масштабно. Среди лидирующих – время Рюрика: «гораздо ранее времен Рюриковых», «прежде Рюриковых времен», «во времена Рюрика», «со времен Рюриковых», «со времен Рюрика до настоящего» и др.⁵¹ Неоднократно упоминалось время преемника Рюрика, князя Олега, имена киевских правителей Аскольда и Дира, княгини Ольги: «в Олегово время», «в Олеговы времена», «со времен Олеговых»⁵²; «со времен Аскольда и Дира», «во время Аскольда и Дира», «Аскольдова времени»⁵³; «до времен Ольгиных», «в Ольгино время», «от века Ольгина и Владимирова»⁵⁴. Очень значителен «реестр времен» Владимира Святославича: «до времен Владимировых», «ко временам Св. Владимира», «во времена Владимировы», «со времен Владимира» и др.⁵⁵ Не обойден и Ярослав Мудрый: «до времен Ярослава Великаго», «в Ярославово время», «от времен Ярослава», «времен Ярославовых», «со времен Ярослава

Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 52. Прим. к Т. IV. С. 58. Кн. II. Т. V. С. 176, 212. Т. VI. С. 147. Кн. III. Т. IX. С. 104. Т. X. С. 67, 162.

⁴⁸ «в Батыево время», «со времен Хана Берки», «во время Царя Тохтамыша», «гораздо древнее Эдигеевых времен», «времен Чанибековых», «около времен Мамаевых». Там же. Кн. I. Прим. к Т. IV. С. 91, 120. Кн. II. Т. V. С. 224. Прим. к Т. V. С. 11, 158.

⁴⁹ См. также: «во времена Чингисовы или его наследников». Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 19, 95. Кн. III. Т. IX. С. 228, 239.

⁵⁰ См. также: «Батыево время». Там же. Кн. I. Т. IV. С. 82. Кн. II. Т. V. С. 224. Там же. Кн. III. Т. IX. С. 121. Т. XII. С. 76.

⁵¹ См. также: «До времен Рюрика и Олега», «до времен Рюриковых», «времен Рюриковых», «Рюриковых времен», «от времен Рюрика». Там же. Кн. I. Т. I. С. 23, 31, 144, 148. Прим. к Т. I. С. 39, 48, 52, 72 (3), 135. Прим. к Т. II. С. 28. Т. III. С. 121. Т. IV. С. 109. Кн. III. Т. X. С. 131.

⁵² Там же. Кн. I. Т. I. С. 94, 125, 148, 150. Прим. к Т. I. С. 88. Т. II. С. 26. Прим. к Т. II. С. 30.

⁵³ Там же. Кн. I. Т. I. С. 78, 85. Прим. к Т. I. С. 119, 131.

⁵⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 107, 150. Прим. к Т. I. С. 105. Кн. II. Т. VI. С. 121.

⁵⁵ См. также: «Владимирова времени», «во время Владимира Святого», «времена Владимировы», «Со времен Владимира Святого», «от века Ольгина и Владимирова», «ко временам Владимира и Ярослава»; «Со времен Владимира Святого до Георгия Долгорукаго», «от времен Св. Владимира до Феодоровых»⁵⁵. Там же. Кн. I. Т. I. С. 59, 66, 142, 151–152. Прим. к Т. I. С. 131, 135. Т. III. С. 21, 134. Прим. к Т. III. С. 104. Кн. II. Т. V. С. 172, 240. Т. VI. С. 121. Кн. III. Т. X. С. 68.

до самого Батяя» и др.⁵⁶ Неоднократно время маркировалось именами Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского, Дмитрия Донского, Ивана Калиты: «Во времена Мономаховы», «Мономахово время», «со времен Владимира Мономаха»⁵⁷; «до времен Андрея Боголюбского», «после или во время Андрея Боголюбского», «со времен Андрея Боголюбского»⁵⁸; «до времен Донского», «во времена Дмитрия Донского», «со времен Донского»⁵⁹; «От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты»; «во время Иоанна Калиты», «со времен Ивана Калиты» и т.д.⁶⁰

Если добавить к вышеперечисленному «именное» время тех князей из династии Рюриковичей, которые упоминались реже, то перечень получается еще более представительным: «в Игоревое время», «до времен Святославовых», «времен Святополковых», «времен Всеволода I», «времен Всеволода III», «Романово время», «времен Александровых и Димитриевых», «во время Михаила Тверского»; «со времен Симеона Гордого»; «со времен Василия Димитриевича», «времен Василия Темного» и др.⁶¹

Среди правителей Московского царства особенно представительны ряды «именного» времени Ивана III («до времен Иоанна III», «в Иоанново время», «век Иоаннов», «со времен Иоанна III» и др.⁶²), Ивана IV

⁵⁶ См. также: «Ярославова времени», «Ярославова века», «Ярославовых времен», «со времен Ярослава до XIII века», «от времен Ярослава Великого до нашего сих грозных иноплеменников», «от времен Ярослава до XIV века». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 92, 137, 144. Т. II. С. 38. Прим. к Т. II. С. 41. Т. III. С. 118, 129. Прим. к Т. III. С. 99. Кн. II. Т. V. С. 215, 217, 234.

⁵⁷ См. также: «Владиминова времени». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 144. Т. II. С. 90. Т. III. С. 130. Кн. II. Т. V. С. 208.

⁵⁸ См. также: «от времен Андрея Боголюбского». *Там же*. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 127. Т. III. С. 123, 130. Прим. к Т. III. С. 70. Т. IV. С. 171. Кн. II. Т. V. С. 74. Прим. к Т. V. С. 163.

⁵⁹ См. также: «времен Донского», «времен Дмитрия», «Димитриева времени», «во время Дмитрия Донского и сына его». *Там же*. Кн. I. Т. I. С. XIV. Т. IV. С. 104, 152. Кн. II. Т. V. С. 62, 66, 70. Прим. к Т. V. С. 52, 96, 167-168, 174. Кн. II. Т. VIII. С. 126. Прим. к Т. VIII. С. 31.

⁶⁰ См. также: «времен Иоанновых», «со времен Иоанновых». *Там же*. Кн. I. Т. IV. С. 133, 152. Кн. II. Т. V. С. 10, 73, 216-217. Т. VI. С. 85. Прим. к Т. VI. С. 79.

⁶¹ См. также: «со времен Святослава I», «века Святополкова», «времена Всеволода I или Святополка-Михаила», «Всеволодова времени», «Во время Дмитрия Александровича», «от времен Святаго Михаила Ярославича», «Симеонова времени» и др. *Там же*. Кн. I. Т. I. С. 72. Прим. к Т. I. С. 85, 125. Т. II. С. 86-87. Прим. к Т. II. С. 98. Т. III. С. 43, 71, 88, 105. Прим. к Т. III. С. 70. Т. IV. С. 26, 69, 93, 104, 149. Прим. к Т. IV. С. 58, 147, 177, 180. Кн. II. Т. V. С. 124, 213, 216-217, 230. Т. VI. С. 9, 61, 112.

⁶² См. также: «до самых времен Иоанна III», «Иоаннова времени», «Иоаннова века». *Там же*. Кн. I. Т. I. С. XVII. Кн. II. Т. V. С. 68. Прим. к Т. V. С. 44, 151. Т. VI. С. 58, 140, 211, 226. Прим. к Т. VI. С. 78-79, 85. Т. VII. С. 17, 21, 33. Т. VIII. С. 161. Кн. III. Т. IX. С. 163. Т. X. С. 45.

(«древнее времен Иоанновых, но не Батыевых», «в Иоанново время», «времен Иоанновых», «со времен Иоанновых», «от времен Иоанна до Годунова»⁶³) и Федора Иоанновича («ко временам Феодоровым или Годунова», ««во время Царя Феодора Иоанновича», «в Борисово и Феодорово время» и др.⁶⁴). Неоднократно упоминалось и о времени Василия III, Бориса Годунова: «времен Василия Иоанновича», «о временах Василия», «со времен В.К. Василия Иоанновича»⁶⁵; «в Борисово время», «Борисова времени», «Годунова времени»⁶⁶. Трижды, как и у Щербатова, фигурировало время Лжедмитрия I: «во время первого Лжедмитрия»; «Лжедмитриева времени», «со времен Разстриги»⁶⁷. Карамзин ввел в текст макроистории и тех царей из династии Романовых, чьи деяния оказались вне временных пределов «Истории государства Российского»: «времен Царя Михаила Феодоровича», «около времен Царя Алексия Михайловича», «не во времена Алексия Михайловича»; «во время Царя Феодора Алексеевича»⁶⁸; «до времен Петра Великаго»; «во времена Петра Великаго»⁶⁹.

Из политической элиты встречается «время» А. Адашева: «...а Бояре жалели о временах Адашевских», «во время Адашева»; «в счастливыя времена Князя Ивана Бельскаго и Адашева»⁷⁰; а также время представителей церкви: «в Антониево время», «еще до времен Ефремовых»; «времен Феогностовых», «во время Алексия Митрополита», со времен Митрополита Киприана», «во время Митрополита Варлаама», «Макариева времени», «...прежде Никона... века за четыре до времен его»⁷¹. Карам-

⁶³ См. также: «времен Иоанновых», «времени Иоаннова», «времена Иоанновы», «Иоаннова века», «о временах Грознаго», «о временах Иоанна Грознаго». Там же. Кн. II. Прим. к Т. VIII. С. 5-6, 75. Кн. III. Т. IX. С. 276. Прим. к Т. IX. С. 10, 20, 30, 34. Т. X. С. 17, 22, 39, 48, 73, 91, 138-139, 141 (2), 147, 149, 152, 158. Прим. к Т. X. С. 60. Т. XI. С. 9, 42, 125, 133, 147. Т. XII. С. 42.

⁶⁴ См. также: «Феодорово время», «в Феодорово время» «век Феодоров», «времен Феодоровых», «Феодорова времени» и др. Там же. Кн. II. Прим. к Т. VII. С. 65. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 174. Т. X. С. 68, 75, 139, 141, 143, 151, 154, 162. Прим. к Т. X. С. 29, 81. Т. XI. С. 34, 42, 52, 59, 69. Т. XII. С. 16, 149.

⁶⁵ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 59. Кн. II. Т. VII. С. 139. Т. VIII. С. 131. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 160.

⁶⁶ Там же. Кн. III. Т. X. С. 151. Т. XI. С. 54, 87, 124. Прим. к Т. XI. С. 18, 28. Т. XII. С. 4-5, 16, 18, 50, 81.

⁶⁷ Там же. Кн. III. Т. XII. С. 9, 78, 149.

⁶⁸ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 78. Прим. к Т. III. С. 93, 131. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 172.

⁶⁹ См. также: «до самых времен Петра Великаго». Там же. Кн. I. Т. I. С. XVI. Прим. к Т. IV. С. 61. Кн. II. Т. V. С. 42.

⁷⁰ Там же. Кн. III. Т. IX. С. 53, 158; Т. X. С. 14.

⁷¹ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 67. Прим. к Т. II. С. 16, 66. Прим. к Т. III. С. 93. Прим. к Т. IV. С. 121. Кн. II. Т. V. С. 63. Т. VII. С. 100. Кн. III. Т. IX. С. 29.

зин выделил и те периоды, которые получили имена авторов научных трактатов, трудов по истории, летописей, записок, и т.д.: «во времена Гомеровы», «со времен Геродотовых», во время Плиния и Тацита, «в Страбоново время», «в Птолемеёво время»⁷²; им упоминалось время Константина и Мефодия⁷³, особенно часто – Несторово время⁷⁴, отмечено и «время Киннама», «Герберштейново время», «Витзенено время»⁷⁵.

Как и его предшественники, Карамзин умножал реестр «именного» времени, пропуская имя: «своего времени», «своего века» и т.д.⁷⁶

Столь очевидный количественный «взрыв» интереса Гиббона и Карамзина к «овремениванию» путем персонификации, без сомнения, не может рассматриваться как некое последовательное продолжение или только гиперболизация отдельных решений Юма, Робертсона, Щербатова. Речь шла о совершенно ином подходе, придании персонифицированному времени принципиально иных функций, о введении его в текст макроисторий в новом качестве. Известно, что историки позднего Просвещения остро осознавали необходимость обновления прежних канонов, определявших специфику введения фактора времени в историческое исследование. Компаративный анализ вариантов, помещенных в пространство исследуемых нарративов позднего Просвещения, позволяет утверждать, что к излету Просвещения именно персонифицированное время стало одним из важнейших вариантов преодоления традиции погодной записи событий, наряду с выведением обобщающих глав из хронологической канвы нарративов, выстраивавшихся преимущественно на традиции анналов (летописей)⁷⁷.

⁷² См. также: «В Тацитово время», «Во время Плиния и Тацита»; «еще прежде Страбоновых времен», «во время Страбоново». Там же. Кн. I. Т. I. С. 40. Прим. к Т. I. С. 7, 10-11, 65, 122.

⁷³ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 68.

⁷⁴ Там же. Кн. I. Т. I. С. 20, 75, 77, 101, 119, 126, 132. Прим. к Т. I. С. 22, 105, 118, 131. Т. II. С. 14. Прим. к Т. III. С. 94.

⁷⁵ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 22, 45. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 156.

⁷⁶ Там же. Кн. I. Т. I. С. 71, 141. Прим. к Т. I. С. 6, 8, 24, 35, 40, 52, 66, 85, 98, 112, 123 (2), 127, 137, 142. Т. II. С. 112. Прим. к Т. II. С. 104. Прим. к Т. III. С. 62. Т. IV. С. 77, 148. Прим. к Т. IV. С. 53, 120, 143. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 47, 123. Т. VI. С. 49, 213. Кн. III. Т. X. С. 73, 148, 152. Т. XI. С. 134, 175. Т. XII. С. 3-4, 101.

⁷⁷ О сходстве анналов и летописей писал еще А.-Л. Шлецер, особо выделяя такой характерный (в работах позднего Просвещения еще не вполне утраченный) признак, как наличие «пустых лет» (*Шлецер*. С. 259). В недавнем исследовании Т.В. Гимона глава «Анналы и летописи» посвящена сравнительному анализу этих источников (*Гиμων*. С. 68-170), где, в частности, автором выделены признаки анналов, вполне соответствующие и специфике летописей (С. 84-85).

«Именное» время использовалось Гиббоном и Карамзиным в качестве точки отсчета значимых процессов, фиксировавшей как ретроспективу, так и перспективу их развития, связь времен. Особенно отчетливо стремление подчеркнуть взаимосвязанность разных эпох в связи с правлением императора Константина: «Еще за несколько веков до Константина», «Со времен Комода до царствования Константина», «Во времена Константина и Юстиниана», «Со времен Константина до времен Хлодвига и Теодориха» и др.⁷⁸ Гиббон использовал персонификацию времени при сопоставлении тех или иных периодов по самым разным поводам: высказывая свои мысли о завоеваниях, он сослался на период «со времен Константина до времен Плантагенетов»; объяснил воздействием деспотизма и суеверия переход Сирии от процветания («Со времен Давида и до времен Гераклия») к опустошению; выделил период «со времен Эдуарда III по настоящее время», характеризуя историю рода Куртенэ⁷⁹. Он соединял разнесенные во времени эпохи для опровержения позиций, основанных скорее на баснях, нежели на доводах рассудка⁸⁰. Время с царствования Августа до времен Александра Севера определялось как тот период, когда империя знала только внутренних врагов, варвары еще не беспокоили империю сколько-нибудь заметно⁸¹. Столетия, разделявшие времена Августа и времена Диоклетиана характеризовались им как период традиционной бесцеремонности в отношениях между императором и гражданами Рима, которая сменилась далее введением множества формальностей, не допускавших отныне подданных к священной особе императора⁸². Вывод историка о том, что между временами Комода и Константина «можно насчитать до ста губернаторов, которые, с различным успехом, поднимали знамя мятежа⁸³, также позволял выделить специфику и временные характеристики переломного периода в истории империи. Что же касается эпохи, отграниченной именами Константина, Хлодвига и Теодориха, то ее особенностью Гиббон считал тесную связь мирских интересов римлян и варваров с богословскими спорами по поводу учения Ария⁸⁴.

⁷⁸ Гиббон. Ч. II. С. 123, 148, 257, 267.

⁷⁹ Там же. Ч. III. С. 80. Ч. VI. С. 28. Ч. VII. С. 35.

⁸⁰ Не без иронии он отмечал, например, опровергая явно преувеличенные сведения, что «нет никакого основания думать, чтобы в век Антонинов страна была менее населена, чем в век Ромула». Там же. Ч. I. С. 94.

⁸¹ Там же. Ч. I. С. 224.

⁸² Там же. Ч. I. С. 373-374.

⁸³ Там же. Ч. II. С. 148.

⁸⁴ Там же. Ч. II. С. 267.

Фиксируя произошедшие со времен Римской империи изменения или проводя параллели с той эпохой, историк также прибегал к использованию «именного» времени. Он полагал, что жестокосердие римских императоров со времен Комода и Каракаллы «большую часть происходило от страха», и лишь Юстиниан ««находил наслаждение в страданиях своих подданных»⁸⁵. Касаясь проблемы плодородия почв, он признал, что благоприятные перемены появились «благодаря труду десяти столетий, протекших со времен Карла Великого»; характеризуя крепость, которую не смогли взять войска персидского монарха Сапора, он отметил, что она считалась неприступной «до времен Тамерлана», а восстание в Галлии он уподобил тому, что вспыхнуло «во времена Лютера» и т.д.⁸⁶

Карамзин перед описанием Смуты подчеркнуто выделил периоды, обозначившие начало, складывание и конец эпохи династии Рюриковичей: «от времен Св. Владимира до Феодоровых» Россия, по его словам, не искала чести иметь патриарха; «от времен Рюриковых до Феодоровых» не было и «трона упраздненного, конца племени Державного»; «от времен Олеговых до Феодоровых» Россия отличалась похвальной терпимостью и т.д.⁸⁷ Характеризуя специфику правления, полномочия княжеской власти на Руси перед нашествием монголов, Карамзин заметил, подчеркивая одновременно и взаимосвязь эпох, и их специфику: «Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен»⁸⁸. Имя Батыея, обозначив начало монгольского периода, помогло Карамзину охарактеризовать и период Смуты: «Россия могла тогда завидовать временам Батыевым»⁸⁹. Особенно заметно стремление показать взаимосвязь разных эпох при сопоставлении вариантов презентации времени, представленного фигурами Ивана IV и его сына Федора Ивановича, не случайно в обобщающей гл. IV десятого тома историк анализировал Феодорово время в постоянном сопоставлении с временем Иоанновым.

Персонафицированное время в том варианте, который предложили Э. Гиббон и Н.М. Карамзин, позволяло ставить и решать значимые просветительские задачи, предъявляя особые требования к читателю, предполагая его знакомство с хронологией как римской, так и всемирной истории, свободную ориентацию в ней.

Использование «именного» времени помогало авторам вести диалог о Добре и Зле, выражать свою этическую позицию. Ссылки на яркие фи-

⁸⁵ Там же. Ч. V. С. 190.

⁸⁶ Там же. Ч. I. С. 249, 354. Ч. II. С. 219.

⁸⁷ Карамзин. Кн. III. Т. X. С. 68, 75, 162.

⁸⁸ Там же. Кн. I. Т. III. С. 121.

⁸⁹ Там же. Кн. III. Т. XII. С. 76.

гуры из прошлого (пусть отчасти и мифологизированного) вызывали в памяти позитивный или негативный образ определенного времени. Согласно Гиббону, период, прошедший со времен Нумы и до времен Августа, был отмечен тем, что роль главного первосвященника исполнялась одним из самых достойных сенаторов, тогда как затем она была соединена со званием императора⁹⁰. Стремясь донести до читателей контраст между разнесенными во времени эпохами, Карамзин выделял «благословенный век Траянов» и, напротив, «бедственные времена Всеволода I или Святополка-Михаила»⁹¹. Он отчетливо противопоставлял лучшие времена и ненавистные времена Иоанновы, счастливый век Феодоров – губительному Иоаннову веку, жестокость Годунова признавал достойной времен Иоанновых⁹². Нельзя не видеть в этих строках также стремления обосновать те мысли об истории, которые Карамзин высказал еще в Предисловии, подчеркнув, что история мирит гражданина «с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках»⁹³.

Проводившаяся историками аналитика позволяла донести до читателя присущую историкам-просветителям убежденность в предопределенности исторических процессов множеством факторов, в том числе и личного характера, давала возможность уйти от схематизма и упрощения в воссоздании истории. Имена политиков и священнослужителей, философов и историков становились олицетворением времени, накладывая на время печать не только политической, но и духовной, интеллектуальной элитарности, расширявшие для читателей перспективы собственного роста, индивидуальной самореализации.

Компаративный анализ макроисторий, созданных в британской и российской историографических традиций второй половины XVIII – первой четверти XIX вв., позволяет говорить о том, что активизация использования персонифицированного времени на излете позднего Просвещения определялась как исследовательскими, так и просветительскими задачами авторов и напрямую не связана со средневековой традицией определения времени по именам правителей. Излет Просвещения стал своего рода звездным часом персонифицированного времени, когда определилась и новая парадигма презентации времени, и вы-

⁹⁰ Гиббон. Ч. II. С. 250.

⁹¹ Там же. Кн. I. Т. I. С. 2. Т. III. С. 43.

⁹² Карамзин. Там же. Кн. III. Т. X. С. 17, 22, 141. Прим к Т. X. С. 60, 91.

⁹³ Там же. Кн. I. Т. I. С. IX. Эти строки Карамзина, вероятно, внутренне связаны с позицией Ш. Монтескье, считавшего своеобразной сверхзадачей дать людям возможность почувствовать себя счастливыми «во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту». Монтескье. С. 160.

рос читатель, способный ее воспринимать, удерживая в памяти хронологию разных периодов истории, без чего та аналитика, которую предлагали историографы этого периода, просто не могла быть понята. Представление о неразрывном единстве исследовательских и просветительских задач исторических нарративов, определявшее специфику мышления историков той эпохи, не удержится в сциентистской традиции следующих поколений историков, обусловив угасание столь ярко вспыхнувшей, но так недолго просуществовавшей традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вольтер Ф.* История Карла XII, короля шведского. СПб., б/г.
- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: Ч. I-II. 1993; Ч. III. 2008; Ч. IV. 2006. Ч. V-VII. 2004.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. – М.: Фонд Содействия Образованию и Науке. 2011.
- История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: «Наука». 1978.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга I-IV. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М.: «Книга». 1988-1989.
- Монтескье Ш.* О духе законов// Избранные произведения. М.: Госиздат. 1955. С. 157–733.
- Сыров В.Н.* Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers. 2006. – 248 с.
- Робертсон В.* История государственования императора Карла V. Т. I-IV. М. 1839.
- Чеканцева З.А.* Время историка. // Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. С. 66-78.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка. // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: УРСС, 2011. С. 55-74.
- Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлецером. Ч. I. СПб., 1809.
12. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Санкт-Петербург. Т. I. 1794; Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Ч. II. 1783. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Ч. II-IV. 1789. Т. VI. Ч. I-II. 1790. Т. VII. Ч. I. 1790. Ч. II-III. 1791.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. L. 1830.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Vol. I-III. Edinburgh–London. 1819.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I-IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII–XI. - Edinburgh-London. 1819.

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; iri-rudkovskaya@yandex.ru